

Д. Крючков

Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина
асп. каф. теории культуры и философии науки

МИФОЛОГИЯ КОНЦЕПЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Статья посвящена анализу современных российских геополитических теорий, выявлению мифологии, которая лежит в их основе и определяет их эффективное применение в современном мире. Проанализированы ключевые мифы, которые, так или иначе, влияют на политическое сознание народа: Миф о триедином братском народе, миф о «Москве, как Третьем Риме», Советские мифы, евразийский миф, определяющий внутреннюю политическую жизнь государства и его геополитические устремления на сегодняшний день.

Ключевые слова: Миф, Геополитика, Идентичность, Манипуляция сознанием, Национальный миф.

Д. Крючков

МІФОЛОГІЯ КОНЦЕПЦІЙ СУЧАСНОЇ УКРАЇНСЬКОЇ ГЕОПОЛІТИКИ

Стаття присвячена аналізу сучасних російських геополітичних теорій, виявленню міфології, яка лежить в їх основі і визначає їх ефективно застосування в сучасному світі. Проаналізовано ключові міфи, які, так чи інакше, впливають на політичну свідомість народу: Міф про триєдиний братський народ, міф про «Москву, як Третій Рим», Радянські міфи, евразійський міф, що визначає внутрішню політичне життя держави та її геополітичні імперативи сьогодні.

Ключові слова: Міф, Геополітика, Ідентичність, Маніпуляція свідомістю, Національний міф.

D. Kriuchkov

MYTHOLOGICAL CONCEPTS OF MODERN RUSSIAN GEOPOLITICS

This article analyzes the contemporary Russian geopolitical theories, identify mythology, that determine their effective application in the modern world. Analyzing the research of various authors and theorists geopolitics, comparing them with the two key concepts of the myth, it was concluded, that any geopolitical theory, thanks to the underlying mythology, manipulative acts on the consciousness of the individuals included in ideology.

Thanks to the affective nature of myth, ideology or theory built on it penetrates deep into the consciousness of the people, determines its behavior and stimulates the emergence of various strategies and geopolitical imperatives.

Analyzed the key myths that somehow influence the political consciousness of the people: The Myth of the triune fraternal peoples, the myth of "Moscow as the Third Rome, Soviet myths, Eurasian myth that defines the internal political life of the Russian Federation, and its geopolitical aspirations today. Based on the research and analysis of materials, have been summed up, how it affects the way the mythology of geopolitics and defines it.

Keywords: Myth, Geopolitics, Identity, Manipulation of consciousness, national myth.

Целью данной статьи является раскрытие тезиса о том, что за каждым геополитическим шагом или аспектом управления государством стоит какой-либо миф, который в свое время сформировал идентичность народа, обосновал границы и, фактически, создал государство.

При этом, объектом исследования, выступает геополитическая теория, в плане ее методологии и мифология, которая является ее базой, а предметом исследования является российская геополитическая ситуация в современности, а также – различные геополитические мифы, так или иначе влияющие или имевшие влияние ранее на положение страны на карте мира.

На сегодняшний день, огромное количество научных трудов, публицистических статей, монографий посвящено именно мифу в современном мире. Миф становится предметом исследования не только в сфере изучения культурных явлений, а и в политических исследованиях, социальных и даже экономических и прочих, ранее никак не связанных с областью мифического и мифологического.

Существует множество разновидностей мифа, однако чаще всего выделяют мифы традиционные, которые отвечают за духовную сферу жизни (искусство, культура), и мифы социальные, или идеологические, которые получили наибольшее распространение в прошлом веке и активизируются сегодня.

Таким образом, прежде чем рассматривать геополитическую составляющую, необходимо четко вычленить интересующие нас определения и концепты понятия «миф» и «мифологическое», которые так или иначе будут применимы в статье для анализа геополитических процессов, процессов становления идентичности и создания особого геополитического пространства, основанного на мифологической базе.

Для этого, сначала необходимо обратиться к определениям понятия мифа у таких значимых исследователей как А.Ф. Лосев и Р. Барт.

Лосев в своей работе «Диалектика мифа» ставит целью дать чистое определение мифа, собственно мифа как мифа, опираясь лишь на то, что дает мифическое сознание, т.е. существенно-смысловое понимание мифа через применение диалектико-феноменологического метода. Его интересует именно мифологический взгляд на мир: «Миф есть (для мифического сознания, конечно) наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в наибольшей степени напряженная реальность. Это не выдумка, но – наиболее яркая и настоящая действительность. Это – совершенно необходимая категория мысли и жизни, далекая от всякой случайности и произвольности» [8, с 110].

Лосев убежден, что миф – это «трансцендентально-необходимая категория мысли и жизни», то есть миф является сущностным признаком реальности. Это и есть сама реальность. В нем нет ничего ненужного, ложного, лишнего. Миф всегда, в каждой эпохе является просто жизненно необходимым, так как задает направление движения бытия, всегда присутствует в сознании. Для Лосева было характерно достаточно широкое толкование мифа. Мифом для него была вся полнота бытия человека, весь мир его эмпирического опыта. Далее, для Лосева, миф является личностной формой. Как и миф, личность предполагает самосознание. Кроме того, как и миф, личность есть по вещественному воплощена в самосознании. А этой вещественной стороной самосознания является телесность. Личность существует в истории. Историчность – это личностная форма и она усваивает себе также и миф. Поэтому «история есть миф» [8 с. 105]. И далее Лосев уточняет, какая именно личностная форма является мифом. Наряду с личностью он вводит еще одно понятие – лика. Лик – это «образ, картина, смысл явления, а не субстанция личности» [8, с. 109]. Поэтому «миф является не самой личностью, но – ее ликом» [8, с. 111]. Миф – это не описание и не проявление личности, а собственно ее осуществление. Данное определение уточняет формулу А.Ф. Лосева, выведенную в его «Диалектике мифа»: миф есть магическое имя, оно творит чудеса. В указанном аспекте, миф трактуется как особая наука о формах правильного воображения, символически выражающего бытие. Всякие явления, по А.Ф. Лосеву, рассмотренные как предмет живого человеческого опыта, обязательно суть мифы. Начиная с XVIII – XIX вв.

философия, опираясь на достижения этнографии, лингвистики, социологии, социальной психологии, пыталась объяснить миф как функцию культуры, как специфический способ социальной регуляции. Основным принципом такого объяснения стало рассмотрение мифа как необходимой реакции коллективного сознания на социальные нужды в коллективных действиях, на нужды психологического свойства (преодоление страха, неуверенности, смягчения стрессов, потребность в образце для подражания). Миф при таком способе его интерпретации соприкасался не столько с наукой, но с идеологией, моралью, политикой, религией.

Анализ, проведенный Лосевым, позволяет сформулировать следующее: Миф – это яркая и подлинная действительность, чувственная, вещественная, телесная реальность, совокупность не абстрактных, а переживаемых категорий мысли и жизни, обладающая своей собственной истинностью, достоверностью, закономерностью и структурой и в то же время содержащая в себе возможность отрешенности от нормального хода событий, возможность существования иерархии бытия. По его мнению, миф – явление ненаучное и не базируется на опыте. Он является реальным и объективным. Миф всегда выступает как некий субъект. В мифе нет ничего случайного и ненужного. Миф, по словам ученого, является наиболее полным осознанием реальности. Это необходимая категория сознания и бытия, является осязаемой и предметной реальностью. Миф является живым субъект – объектным общением, имеет свою истинность, закономерности и структуру, находясь вне науки. Он является символом, и поэтому может иметь в себе схематические, аллегорические и жизненно-символические пласты. Миф по своей сути является синтетическим явлением. В нем находит свое отражение простое биологически интуитивное в своей непосредственности столкновения сознания и вещей. Все в нем сочетается в единую категорию, все сливается в неделимое единство. Для мифа характерно сочетание двух реальностей (явление и его содержание), но «идея» и «образ» в нем тождественны. Миф является предвестником науки, он постоянно сопровождает науку и является источником ее интуиций. Он имеет общие черты с поэзией, однако отличается от нее своими отношениями с действительностью. Мифическое измерение остается таким же реальным, меняя разве что смысл и идею повседневного бытия. Миф создается еще до рефлексивного мышления, благодаря чему он обладает выраженной чувственностью. По нашему мнению, здесь следует остановиться на двух основных аспектах мифа, на которые обращает внимание А.Ф. Лосев. Миф как наиболее полная форма осознания реальности. Видимо, имеется в виду умственное психическое явление, которое выражает глубинную сущность души. Все мифологизированные природные явления – это «символическое выражение внутренней бессознательной драмы души» [8 с. 95]. Мифы создавались в тот период развития человеческой цивилизации, когда мышление было синкретическим. Поэтому в мифе естественно сочетаются вещи, которые в рамках нашей современной логики несовместимы. Таким образом, Лосев писал о постоянном присутствии мифа в сфере человеческой культуры. Миф объясняет реальность на основе мифологической образности.

Теперь рассмотрим, как понимал миф и его назначение в культуре Ролан Барт. Барт так определяет миф: «Миф является коммуникативной системой, определенным сообщением. Он не может быть ни вещью, ни понятием или идеей, это форма, способ обозначения. В мифе существуют формальные границы, но нет субстанциональных. Таким образом, мифом может быть все что угодно» [1, с 77]. Он считал, что человечество целенаправленно управляет развитием языка и, соответственно, осознанно подходит к процессу мифологизации определенных явлений. У Барта, культура постоянно обращается к мифу. Однако сам Р. Барт не считал себя мифологом.

Целью исследования Барта было установление причин и закономерностей, по которым человек, не имеющий мифического мышления, все же знает о существовании

мифических ситуаций в культуре, существует наряду с ними и даже интересуется ими и в некоторой степени становится их частью.

Барт также считал, что можно по собственному желанию отмежеваться от мифической ситуации, для этого достаточно всего лишь о ней знать. Знания о мифе рационализирует его и превращает в нечто совсем другое. Если внимательно рассмотреть механизм исследования мифа у Барта, то ясно видно, как он с помощью каузальных связей нивелирует миф. Ученый уверен, что реальной системой в мифической связи есть «совокупность человеческих отношений», «социальная структура», то есть это речь человека, которая используется повседневно, с помощью которой человек конструирует реальность и мир.

Р. Барт неоднократно оговаривался, что миф – система двойственная: он как бы имеется всюду, где завершается понимание и именно там сразу возникает миф. Можно также добавить, что миф – это «молчаливый язык», это «слово промеж слов» или «слово о словах».

Барт предложил такую картину механизма действия мифа в современных условиях. Любая ситуация имеет определенный первичный, начальный смысл, который порождается ее знаковой предметностью. Но на этот первичный смысл можно наложить другой – вторичный, если ввести этот предмет в непривычную для него ситуацию. Например, Кремль или Белый дом является зданиями и жильем, но их первоначальный смысл давно изменен на новый. Таким образом, вместо естественного языка и обычных отношений возникают метаязык и метаотношения, то есть такие, которые выходят за пределы обычных. Но обычные отношения при этом не исключаются, а снимаются, деформируются, хоть и не уничтожаются. Барт называл такой мифический язык «украденным языком», используя для этого совершенно мифический символ. Таким образом, миф в понимании Барта – это высказывание – сообщение, которое хочет быть донесено до получателя. При этом оно наделено социально-культурным контекстом, т.е. имеет социальную задачу – быть услышанным. Миф берет чистую материю и превращает ее в ту форму, которую нужно внести в сознание объектов.

Барт говорит, что «миф – это уже обработанный материал, который используется для коммуникации» [1, с. 112]. Данное утверждение свидетельствует о том, что миф превращает, деформирует некоторые аспекты реальности, которые выгодны ему, и соответственно формирует идеологически мистифицированное сознание, поэтому задачей в таком случае является освобождение сознания от мифов и соответственно способность увидеть мифологизацию того или иного знания. Очень важно понять, как навязывается идеология.

У Барта есть еще одно интересное замечание. Он указывал на утилитарность, практичность мифа: людей интересует в мифе не истинность, а возможность применения – они деполитизируют вещи по мере своих потребностей. Это универсальное практическое отношение человека к миру, которое, очевидно, сформировалось еще до всякого чувства исторического. Поэтому Барт и отмечал, что из-за собственной универсальности и обозримости (ведь первичный знак в мифе никуда не исчезает) миф становится более поразительным, чем реальное событие. Миф вытесняет жизненные факты и сам занимает их место. В общем, с ним нельзя не согласиться, когда речь идет о политических мифах.

Итак, миф рассматривается Бартом как идеология, то есть он выражает лишь «интересы определенного сообщества»

Отдельно стоит сказать о таком феномене, как национальный миф. Данный феномен напрямую связан с темой исследования и очень четко отражает непосредственно мифологическую сторону, как геополитических идей, так и сугубо национальных, государственных. Лучше всего, понимание национального мифа было сформулировано

социологом и культурологом Л.Г. Ионином, который опираясь на исследования различных теоретиков наций, культурологов и исследователей мифа, выделяет национальные мифы, как отдельно стоящую категорию мифов, подчиненных идеологии, политическим требованиям. Можно продолжить мысль исследователя и сделать выводы, что именно национальный миф служит отправной точкой для создания различных внешнеполитических и геополитических устремлений.

Следует отметить то, что национальное самосознание по своей природе является мифологичным. Ибо миф лежит в основе мировоззрения человека и выступает важным механизмом консолидации общества. Национальный миф обеспечивает реализацию геополитических идей, гарантирует идентичность коллективного субъекта и его связь с определенным территориальным объектом.

Каждая культура обладает своим уникальным предназначением и ролью в мировой истории. Национальный миф представляет собой систему идей и образов, через которые определенный народ осознает себя и видит свое место в культурно-историческом процессе. Это проявляется в мифическом восприятии истории нации, ее судьбы и предназначения, и в мифической интерпретации «национального характера».

Говоря о российской идентичности, сразу всплывает огромное количество разнообразных теорий, идей, специфических идеологий, которые в разное время были доминирующими, преследуемыми, не получили широкой известности, либо же наоборот – стали основой политических и геополитических доктрин. Всех их объединяют общие мифологические корни и взятые за основу те или иные коллективные представления о каких-либо политических, культурных и государственных явлениях.

Характер и особенности русской (российской) национальной идентичности до сих пор являются одной из самых идеологизированных и даже мифологизированных тем, обсуждаемых интеллектуальным сообществом. До самого последнего времени подобные вопросы оставались предметом внимания почти исключительно историософской эссеистики или литературно-публицистических спекуляций авторов, ищущих объяснения своеобразию российской истории в «крови и почве», в православных корнях русской культуры, или их противников, «либералов-западников», подчеркивающих односторонность и незавершенность процессов русской модернизации.

Комплекс мифов о Киевской Руси и, как следствие, о триедином братском народе, культивируемый в советское время особенно сильно, за счет удобства наложения геополитических реалий тогдашнего мира на него, возник достаточно давно и связан был, прежде всего, с вопросом о цивилизационной уникальности России и о том, Европа ли Россия.

Вопрос, в таком случае, должен формулироваться более определенно: Европа ли Россия в историческом и культурном смысле? Принадлежит ли Россия, исторически и культурно, к европейскому союзу наций?

На вопрос, задаваемый в подобной форме, чаще всего отвечают отрицательно, во всяком случае – иностранцы. Дж. Мариотт может быть избран как типичный приверженец негативистского взгляда.

«Россия не является, – пишет он, – и никогда не являлась членом европейской семьи. Еще со времен падения Римской империи и миграций, вследствие завоеваний викингов и тевтонцев, между скандинавами, англичанами, немцами, французами, иберами и итальянцами сложилась определенная степень родства, несмотря на все значительные различия в их развитии. Даже Польша, благодаря своей приверженности западной форме христианства, имела некоторое родовое сходство с Европой. Россия же нет» [12, с. 1].

Показательно, что и те, кто исключил бы Россию из Европы, и те, кто нет, признают, что некоторые основные расхождения между Европой и Россией раскрываются в ходе истории. Словом, суждение Мариотта об абсолютной культурной обособленности России,

вне всякого сомнения, уязвимо. На протяжении долгого времени в русской и европейской истории наблюдались не только различные, но и сходные процессы, и во внимание следует принимать как те, так и другие. Связи между Россией и Европой множились на каждой ступени средневекового и последующего развития, и, оставляя пока в стороне современную эпоху, можно сказать, что эти взаимоотношения были особенно тесными в киевский период.

Исторически, можно оценить тот вклад, который был сделан в становление, развитие государственности, и, в дальнейшем – российской идентичности. Миф о триедином братском народе имеет средневековые корни, однако его культивация и развитие бурно началось в советский период. Его основной идеей считается союз трех народов – украинского, российского и белорусского и, соответственно – земель Киевских, Владимирских и Полоцких, во время существования Киевской Руси как мощного средневекового государства на этих землях. Данный миф стал очень популярен и взят на вооружение строителями советского государства для удержания союзных республик в составе СССР. В дальнейшем, неоднократно предпринимались мероприятия по сохранению положения вещей в стране путем консолидации республик. Например – празднование 400-летия Переяславской Рады и тому подобные.

Можно сколь угодно говорить о том, верно ли данное предположение, однако сам факт его существования, наличие мифологической основы и геополитического следствия, делает эту теорию интересной для исследования. Именно тут мы можем проследить ту самую аффективную составляющую мифа по Лосеву, которая апеллирует к народной памяти, заставляет почувствовать и поверить в данное предположение.

Следуя в хронологическом порядке возникновения концепций и их концептуализации на ранних уровнях, нельзя обойти своим вниманием комплекс мифов о Москве как Третьем Риме. Данная концепция не беспочвенна, хоть и не была принята на вооружение геополитиками современности. Тем не менее, ее стоит рассматривать как культурное явление, за счет того, что концепция опирается на религиозную основу, представления человека о месте государства и его культуры (в том числе и культурного наследия) на карте мира.

Возникновение концепции «Москва – Третий Рим» обычно связывают с именем старца псковского Елизарова монастыря Филофея. Филофей писал царю: «Храни и внимай благочестивый царь тому, что все христианские царства сошлись в одно твое, что два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать» [7, с 472].

Таково, по мнению Филофея, «настоящее» и «будущее» русского государства, а с ним и церкви. Эта формулировка и стала классическим выражением концепции «Москва – Третий Рим».

В обозначенной Филофеем формуле были объединены и выражены, таким образом, две фундаментальные идеи: 1) преемства царств и 2) богоизбранности русского народа. Обе они давали приемлемое для своего времени объяснение истории и обоснование возвышения Москвы, ее мессианской роли в будущем.

Как было сказано выше, идея Москвы как третьего Рима в своем первоначальном варианте имела, прежде всего, теологический смысл, связанный главным образом с определением новой роли русской церкви в христианском мире, ее международного статуса и положения в своей стране по отношению к царской власти. Первоначально идея превращения Москвы в третий Рим относилась не столько к ее политическому могуществу, сколько к предназначению русского государства быть убежищем «истинного христианства». Однако очень скоро у нее появился и новый смысл, произошло своеобразное смещение акцентов – с религиозного провиденциализма в сторону идейно-политического обоснования возвышения Москвы как державы.

С одной стороны, России предписывалась роль хранительницы единственно истинной христианской православной веры, с другой – православие объявлялось «русским», а русское государство – единственным и подлинно христианским и в этом смысле вселенским царством. Двойственность идеологии «Москва – Третий Рим» и связанного с ней русского мессианизма весьма точно уловил Н.А. Бердяев. «Русское религиозное призвание, призвание исключительное, связывается с силой и величием русского государства, с исключительным значением русского царя», – писал он [2, с 104]. Так «империалистический соблазн входит в мессианское сознание». Открывалась возможность превращения провиденциалистской идеи в аргумент имперской идеологии и политики. Но полное осознание этого противоречия вместе с практическими выводами пришло позже, с историческим опытом. А в XVI в. совпадение религиозной и политической идеи представлялось еще вполне естественным и не грозило далеко идущими последствиями.

К XVII веку, ко времени царствования Алексея Михайловича религиозно-историософская концепция «Москва – третий Рим» окончательно приобрела собственное политическое звучание и превратилась в официальную геополитическую доктрину Кремля. Русское государство стало рассматриваться его руководителями не только как хранитель «древнего благочестия», но и как законный покровитель и защитник всех православных христиан.

В доктрине «Москва – Третий Рим», являвшейся прямой апологией византизма, русское государство предстает историческим и политическим субъектом, активно участвующим в мировом цивилизационном процессе и выполняющим ответственную религиозно-духовную, общественно-историческую, социально-политическую миссию. Таким образом, можно сделать вывод, что появление и внедрение общественно-политической доктрины «Москва – Третий Рим» оказало огромное влияние на становление государственности и власти Руси. Однако было бы неправильно утверждать, что сейчас известная доктрина полностью забыта. Идеи старца Филофея до сих пор влияют на общественную, церковную и политическую жизнь России.

На сегодняшний день, идеологической и геополитической доктриной России является евразийство. Будучи идеологией не сугубо национальной, а идеологией, которая касается определенного геополитического пространства, евразийство получило немало последователей и сторонников в разных странах региона, причем абсолютно разных как по национальному составу, религиозному, так и придерживающихся принципиально разных политических стратегий и императивов. История евразийства довольно коротка и не насчитывает ста лет. В разное время, разными людьми выдвигались разные концепты идеологий, которые на время становились доминирующими, либо же уходили в небытие.

Основным концептуальным понятием идеологии стала идея Евразии – культурной, духовной и геополитической системы, не зависящей от Востока и Запада, целостной и самодостаточной. Этнической основой Евразии, указывал Н.С. Трубецкой, является симбиоз славянского и туранского элементов, осуществившийся естественным образом, при историческом распространении русского народа на Восток и смешении с туранскими или урало-алтайскими племенами (угрофинами, тюрками, монголами, манджурами).

Во время становления СССР, евразийцы видели в новой стране новую форму государственности, многонациональное образование с самобытным идеологическим и политическим строем, полностью ориентированным на концепцию евразийства, однако, для этого необходимо было отойти от большевистской идеологии и социалистической направленности руководителей новообразованного государства. В связи с этим, евразийство перестало развиваться и вновь появилось в несколько трансформированном виде в трудах Л.Н. Гумилева в 60-х годах.

После развала СССР, евразийство получило новое дыхание в интеллектуальной среде, когда встал вопрос о выборе новообразованных государств между Востоком и Западом. Евразийство стало тем самым «третьим путем», который и говорит о самобытности, неповторимости и своих геополитических стратегиях государств Евразии.

Эта идеология сразу была взята на вооружение политиками и государственными деятелями, которые видели в евразийстве способ упрочить свое положение, причем, как внутри государства, так и на мировой арене.

Разные государства и народы используют евразийство по-разному, причем где-то, эта идеология стала практически официальным курсом государства, а где-то стала основой для радикализма или была вытеснена в маргинальные круги ученых, однако, почти во всех странах бывшего СССР она имеет место быть в той или иной форме.

Рассматривая данную проблему, проанализировав все стороны вопроса мифологических основ геополитических концепций вообще и в России в частности, можно прийти к тому, что любая идеология, существующая в том или ином виде, национальная идея, курс или геополитические устремления и императивы будут обоснованы и закреплены в массовом сознании при помощи мифов на двух уровнях. Первый – чувственный уровень, уровень аффективного восприятия человеком мифа и принятие его как собственную историю и прошлое. Второй уровень – это уровень скрытой манипуляции, которое достигается за счет вторичного смысла мифа, его социально-культурного контекста.

Все это четко прослеживается в российской геополитике в частности. Любые мифы, подводящиеся под статус национальной идеи, имеют эти два уровня, за счет чего они приобретают новый смысл и становятся доминирующими среди тех или иных групп населения страны.

Российский пример наглядно демонстрирует систему, которая существует в отношении мифа-геополитики-идеологии-политики. Это справедливо для всех стран и народов, претендующих, так или иначе, на статус мировых держав, региональных сверхдержав, доминирующих в регионе государств. Культурные особенности и мифологическая основа всегда была, есть и будет одним из решающим факторов в создании тех или иных современных политических движений, и, как следствие – геополитических притязаний, а миф всегда останется верным инструментом для таких действий.

Дальнейшее изучение данной темы возможно в более широком ключе, которое будет предполагать создание новой теории, предусматривающей зависимость геополитических теорий от мифов, образующих идеологию, причем не конкретно для отдельных стран и случаев, а для всего исторического процесса в целом.

Перечень ссылок

1. Барт, Р. Миф сегодня / Ролан Барт. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М. : Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – С. 72-130.
2. Бердяев, Н.А. Восток и Запад / Н. Бердяев. // Путь. — 1930. — № 23. — С. 97-109.
3. Бердяев, Н.А. Евразийцы / Н. Бердяев. // Путь. — 1925. — № 1. — С. 134—139
4. Гумилев, Л.Н. Древняя Русь и Великая степь / Л. Гумилев. Ритмы Евразии — М.: 1989. — 764 с.
5. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Гумилев. Ритмы Евразии — М.: 1993. — 492 с.
6. Иконников, В.С. Опыт русской историографии: В 2 т. / В.С. Иконников — Киев: Тип. Императорского Университета св. Владимира, 1891 – 1908 Интернет ресурс. Режим доступа: <http://www.runivers.ru/lib/book4748/>
7. Кожин, В.В. История Руси и русского слова / В.В. Кожин. – М.: Эксмо, 2001. – 512 с.
8. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа / А.Ф. Лосев. Из ранних произведений. – М.: 1990. – 268 с.
9. Лосев, А.Ф. Миф – Число – Сущность / А. Лосев. – М.: 1994. – 919 с.
10. Трубецкой, Н.С. К проблеме русского самопознания / Н. С. Трубецкой. Евразийское книгоиздательство, София: 1927
11. Ульянов, Н.И. Комплекс Филофея. / Вопросы истории. 1994, № 4. – С. 160.

12. Sir J.A.R.Marriott, Anglo-Russian Relations, 1689 – 1943 (2d ed. London, Methuen & Co., 1944), p. 1.

© Крючков Д., 2014